

Научная статья

УДК 347.94

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).575-583

EDN DESFBW

О возможности использования *prima facie* в российском административном судопроизводстве

Кирилл Владимирович Минаков

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

minakov200@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1935-3227>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется правовая природа конструкции *prima facie* и оценивается возможность ее адаптации к российскому административному судопроизводству. На основе сравнительно-правового, формально-юридического и системного методов разграничены доказательство *prima facie* (первоначально достаточная совокупность фактов), стандарт доказывания и опровержимая процессуальная презумпция. Показано, что в системе общего права термин применяется как минимум в двух взаимосвязанных значениях: для обозначения порога, преодоление которого требует ответа процессуального оппонента, и для обозначения презумпции, перераспределяющей обязанность представления доказательств. Проанализированы сформированные Верховным Судом Российской Федерации подходы к доказательствам *prima facie* в спорах, связанных с искусственной задолженностью, аффилированностью и доказыванием отрицательных фактов. Установлено, что российская практика использует данный механизм функционально, хотя единая нормативная модель отсутствует. Обосновано, что в административном судопроизводстве *prima facie* не может означать автоматическое удовлетворение требования вследствие пассивности публичного ответчика: суд сохраняет обязанность самостоятельно проверить законность оспариваемого решения, действия или бездействия. Вместе с тем механизм применим как первоначальное доказательственное предположение при информационной асимметрии, когда сторона представляет доступные ей факты, позволяющие разумно предположить нарушение права, а основные документы и сведения находятся у публичного субъекта. Предложены условия использования такого предположения и формулировка правила, согласно которому необоснованное непредставление публичным ответчиком контролируемых им доказательств учитывается против него, но не освобождает суд от активной роли. Сделан вывод, что для российского процесса *prima facie* наиболее точно характеризуется как опровержимая процессуальная презумпция, запускаемая первоначально достаточной совокупностью доказательств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

доказательственная презумпция, бремя доказывания, первоначальные доказательства, информационная асимметрия, публичный ответчик, отрицательный факт, активная роль суда, судебное доказывание

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минаков К.В. О возможности использования *prima facie* в российском административном судопроизводстве / К.В. Минаков. — DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).575-583. EDN DESFBW // Академический юридический журнал. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 575–583.

Original article

The possibility of applying *prima facie* in Russian administrative judicial proceedings

Kirill V. Minakov

Baikal State University, Irkutsk, Russia

minakov200@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1935-3227>

ABSTRACT

The article examines the legal nature of *prima facie* reasoning and assesses whether it can be adapted to Russian administrative judicial proceedings. The study distinguishes *prima facie* evidence, an initially sufficient factual showing, a standard of proof and a rebuttable procedural presumption. In common-law systems, the term operates in at least two connected ways: it identifies the threshold that requires an answer from the opposing party and denotes a presumption that shifts the burden of producing evidence. The article analyses the approaches developed by the Supreme Court of the Russian Federation in disputes involving artificial indebtedness, affiliation and the proof of negative facts. Russian judicial practice already employs the mechanism functionally, although it lacks a uniform statutory model. In administrative litigation, *prima facie* cannot

© Минаков К.В., 2026

result in an automatic judgment merely because a public authority remains passive, since the court must independently review the legality of the challenged decision, action or omission. Nevertheless, the mechanism may serve as an initial evidentiary inference where information is asymmetrically distributed: an individual presents reasonably accessible facts suggesting a rights violation, while the decisive records are controlled by the public authority. The article formulates conditions for this inference and proposes a rule under which an unjustified failure by the public respondent to disclose controlled evidence may be assessed against it without eliminating the court's active role. It concludes that, for Russian procedure, *prima facie* is best understood as a rebuttable procedural presumption triggered by an initially sufficient body of evidence.

KEYWORDS

evidentiary presumption, burden of proof, initial evidence, information asymmetry, public respondent, negative fact, active judicial role, judicial proof

FOR CITATION

Minakov K.V. The possibility of applying *prima facie* in Russian administrative judicial proceedings. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* = *Academic Law Journal*. 2026;27(3):575–583. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(3).575-583. EDN: DESFBW.

Введение

Принятие в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹ (далее – КАС РФ) завершило обособление судебной защиты в спорах, возникающих из публичных правоотношений, в самостоятельную процессуальную форму. Вместе с тем институты доказывания в административном судопроизводстве формировались не изолированно. На них повлияли положения гражданского и арбитражного процессуального права, включая общее правило о том, что участник дела доказывает обстоятельства, на которые он ссылается как на основание требований или возражений². Такое заимствование не устраняет специфики публичного спора: государственный орган обладает властными полномочиями, профессиональным аппаратом и, как правило, контролирует документы, сведения и информационные системы, необходимые для проверки законности его деятельности.

Асимметрия доступа к доказательствам заставляет искать механизмы, которые одновременно обеспечивают реальную состязательность и не превращают административное судопроизводство в разрешение дела по формальному правилу о процессуальной пассивности одной из сторон. Одним из таких механизмов может выступать конструкция *prima facie* – принятие факта или правовой позиции как первоначально подтвержденных при наличии минимально достаточных оснований до представления убедительного опровержения. В российском зако-

нодательстве общий институт с таким названием отсутствует, однако соответствующая терминология и логика уже используются Верховным Судом Российской Федерации в гражданском процессе.

Цель настоящего исследования состоит в определении правовой природы *prima facie* и условий, при которых данный механизм совместим с принципами российского административного судопроизводства. Для достижения цели необходимо: разграничить *prima facie*, стандарт доказывания и доказательственную презумпцию; выявить функции конструкции в системе общего права; определить способы ее фактического использования российскими судами; сопоставить данный механизм с распределением обязанностей по доказыванию и активной ролью суда по КАС РФ; сформулировать допустимую модель применения *prima facie* в публично-правовом споре.

Использование *prima facie* в системе общего права

В современном праве конструкция *prima facie* используется прежде всего в англосаксонской правовой семье, что объясняется ее тесной связью с римским правом.

Латинское выражение *prima facie* буквально означает ‘на первый взгляд’ или ‘при первоначальном рассмотрении’. Вне процессуального права оно получило известность благодаря этической концепции У.Д. Росса. Обязательство *prima facie* у него представляет собой основание действовать определенным образом, сохраняющее нормативную силу до тех пор, пока в конкретной ситуации его не перевесит более сильное моральное основание [1, с. 78]. Следовательно, речь идет не о мнимом или необязательном требовании, а о требовании, действующем условно: оно принимается как руководящее, однако допускает опровержение или преодоление.

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 ; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

Исторически необходимо различать саму идею первоначальной очевидности и современный юридико-технический смысл выражения. Г.Н. Херлиц показывает, что обороты, обозначающие видимость положения «при первом взгляде», встречались задолго до формирования англо-американского доказательственного права [2]. В римском источнике Гай описывал ситуацию, когда обязательство женщины, первоначально выглядевшее чужим, в действительности оказывалось ее собственным: «*prima facie quidem alienam, re vera autem suam obligationem*» (D. 16.1.13)³. В этом контексте выражение выполняло описательную функцию — противопоставляло первое впечатление действительному положению дел. Оно еще не обозначало специального правила о достаточности доказательств или переходе процессуальной обязанности.

Процессуальное содержание сформировалось в общем праве постепенно и не является однозначным. В литературе выделяются как минимум два значения. В первом *prima facie case* означает первоначально достаточное дело: представленные материалы, если считать их достоверными и не учитывать возможное опровержение, позволяют продолжить разбирательство и требуют ответа другой стороны. В этом значении конструкция относится к бремени представления доказательств: заявитель должен перейти минимальный порог, ниже которого производство не должно продолжаться. Во втором значении *prima facie evidence* порождает опровержимое предположение о существовании факта; при отсутствии контрдоказательств данное предположение может стать достаточным основанием для решения [4, с. 73–80].

Иллюстрацией второго значения служит сформулированное еще в деле *State v. Sattley* положение, согласно которому доказательство *prima facie* создает такую степень вероятности в пользу факта, при которой он должен быть принят, если презумпция не опровергнута⁴. В современном американском праве наиболее наглядной является модель *McDonnell Douglas*, применяемая к делам о дискриминации в трудовых отношениях. Сначала истец устанавливает *prima facie case* посредством совокупности косвенных признаков;

затем работодатель должен назвать законную недискриминационную причину своего решения; после этого истец может доказать, что указанная причина является предлогом. Верховный суд США позднее пояснил, что первоначальная совокупность фактов порождает опровержимую презумпцию и перемещает на ответчика именно *burden of production* — обязанность представить объяснение и доказательственный материал, тогда как окончательное бремя убеждения суда сохраняется за истцом.

Приведенная модель позволяет провести различие между *prima facie* и стандартом доказывания. Стандарт доказывания характеризует требуемую степень убежденности суда в истинности обстоятельства, т.е. отвечает на вопрос, насколько убедительной должна быть совокупность доказательств для окончательного вывода [5, с. 10]. Как верно указывают Е.А. Нахова и Д.В. Царькова, стандарт доказывания является звеном, которое связывает предмет доказывания (что нужно доказать) и обязанностью по доказыванию (кто обязан доказать) [6, с. 174]. При этом стандарт доказывания служит главным ориентиром, когда юридические факты подтверждаются лицом, на котором лежит бремя доказывания этих фактов, определенным образом. *Prima facie* отвечает прежде всего на иной вопрос: достаточно ли уже представленного материала, чтобы факт временно считался установленным, и у процессуального оппонента возникла необходимость отвечать. Главное отличие между *prima facie* как процессуальной презумпцией и «пониженным стандартом» доказывания (к которому в литературе приписывается *prima facie* [7, с. 59]) состоит в расстановке акцентов, где в первом случае главное — переход обязанности доказывать, а во втором — установление юридического факта через набор доказательств, хотя и сокращенный по сравнению с обычным стандартом доказывания. Поэтому использование выражения как синонима «пониженного стандарта» способно смешивать два уровня оценки: первоначальную достаточность и итоговую доказанность, что представляется неверным. Одно может вытекать из другого, но не смешиваться до полной тождественности.

В российской литературе М.А. Козлов обоснованно относит *prima facie* преимущественно к процессуальным презумпциям [4, с. 80–82]. Процессуальная презумпция в рассматриваемом контексте представляет собой закрепленное законом или выработанное судом правило, в силу которого при доказанности исходных фактов

³ В переводе с латинского означает «на первый взгляд, действительно чужой, но на самом деле это его обязанность» [3, с. 387].

⁴ *State v. Sattley*, 131 Mo. 464, 33 S.W. 41 (1895); *McDonnell Douglas Corp. v. Green*, 411 U.S. 792 (1973); *Texas Department of Community Affairs v. Burdine*, 450 U.S. 248 (1981); *St. Mary's Honor Center v. Hicks*, 509 U.S. 502 (1993).

предполагаемый факт считается существующим до опровержения, а риск непредставления контрдоказательств переносится на другую сторону. К.Е. Гилев, напротив, рассматривает *prima facie* как стандарт, позволяющий установить отрицательный факт при разумной степени уверенности и перенести дальнейшее доказывание на лицо, обладающее доступом к положительным сведениям [8, с. 699–700]. Данная позиция точно отражает практическую функцию механизма, однако термин «стандарт» здесь используется для обозначения порога запуска перераспределения бремени, а не уровня окончательной убежденности суда.

Лингвистический анализ решений Верховного суда США также показывает, что выражение *prima facie* входит в устойчивые модели аргументации. М.А. Викулина описывает такие модели, как лингвоправовые фреймы: последовательность условий и речевых формул организует применение прецедентного правила и задает участникам предсказуемый порядок доказывания [9, с. 22]. В рамках McDonnell Douglas framework выражение не называет отдельное доказательство с заранее установленной силой; оно обозначает достигнутую истцом процессуальную позицию, после которой молчание ответчика становится юридически рискованным.

Существуют контексты, в которых *prima facie* характеризует доказательственное значение отдельного документа. В английском морском праве коносамент между перевозчиком и грузоотправителем традиционно рассматривается как первоначальное доказательство условий перевозки, допускающее опровержение иными материалами [10]. Это не означает, что документ «слаб» и обязательно нуждается в подтверждении. Напротив, пока не представлены противоречащие сведения, он способен подтверждать соответствующие обстоятельства. Дополнительные доказательства становятся необходимыми не в силу неполноценности *prima facie* evidence, а вследствие появления обоснованного опровержения.

Таким образом, наиболее точным для целей российского процессуального права является понимание *prima facie* как опровержимой процессуальной презумпции, условием возникновения которой служит первоначально достаточная совокупность доказательств. Эта совокупность должна быть сильнее простого утверждения или предположения: она создает разумную вероятность существования факта и способна обосновать решение, если процессуальный оппонент, располагающий возможностью опровержения,

не представит соответствующие материалы. При этом окончательный стандарт доказанности не исчезает, а суд сохраняет обязанность оценить всю совокупность доказательств.

Использование prima facie в российском цивилистическом процессе

Российское гражданское и арбитражное процессуальное законодательство не содержат общего правила о *prima facie*. Вместе с тем динамическое перераспределение обязанности представления доказательств объективно используется судами в ситуациях, когда формальное сохранение первоначального бремени за одной стороной делало бы доказывание практически невозможным. Д.И. Смольников справедливо отмечает, что наряду со статичным распределением обязанностей в начале процесса существует переход бремени в зависимости от того, какие доказательства уже представлены и какая сторона способна дать содержательное объяснение [11].

Ключевое значение для признания конструкции в российской практике имеет позиция Верховного Суда Российской Федерации по спорам, в которых конкурсный кредитор оспаривает судебное или третейское подтверждение долга между должником и иным лицом. В пункте 10 Обзора судебной практики № 1 за 2016 год⁵ Суд указал, что кредитору, не участвовавшему в отношениях между предполагаемыми должником и взыскателем, достаточно привести доказательства *prima facie*, позволяющие усомниться в реальности задолженности. После возникновения обоснованных сомнений лица, настаивающие на существовании долга, должны раскрыть обстоятельства его возникновения и представить доступные им первичные документы.

Такое решение обусловлено не льготой для кредитора как таковой, а структурой доступа к информации. Третье лицо обычно не располагает договорами, платежными документами, иной бухгалтерской документацией и перепиской участников спорного обязательства. Требование доказать отсутствие передачи денег, товара или встречного предоставления означало бы возложение на него обязанности доказывания отрицательного факта, находящегося за пределами его информационной сферы. В научной литера-

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апр. 2016 г.; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2015 г. № 305-КГ15-5805 // СПС «КонсультантПлюс».

туре отрицательные факты обоснованно предлагается доказывать через установление доступных положительных обстоятельств и последующее требование к другой стороне раскрыть сведения, подтверждающие обратное [12].

В пункте 32 Обзора судебной практики № 3 за 2017 год⁶ подход был развит применительно к заявлению конкурсного кредитора об отмене определения о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения. Верховный Суд Российской Федерации исходил из того, что аффилированность сторон, необычность экономического поведения, отсутствие разумного объяснения сделки и иные косвенные обстоятельства могут породить очевидные сомнения в реальности долга. Для их устранения именно участники предполагаемого обязательства должны представить доказательства действительного движения имущества и хозяйственной цели операции.

В данной модели можно выделить четыре элемента. Во-первых, заявитель обязан представить не абстрактное подозрение, а конкретные исходные факты. Во-вторых, факты оцениваются в совокупности. В-третьих, обязанность опровержения переходит к лицу, контролирующему основные сведения. В-четвертых, непредставление доступного объяснения учитывается судом при итоговой оценке доказательств. Именно сочетание этих элементов отличает *prima facie* от произвольного снижения требований к доказанности.

Не каждое облегчение процессуального положения стороны следует квалифицировать как *prima facie*. Например, часть 3.1 статьи 70 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – АПК РФ) позволяет считать признанными обстоятельства, прямо не оспоренные другой стороной. Здесь юридическое последствие связано прежде всего с отсутствием возражения, тогда как механизм *prima facie* требует положительного первоначального материала. Молчание оппонента усиливает уже созданное доказательственное предположение, но не заменяет его.

Близким по функции, но иным по отраслевой природе является правило статьи 19.1

Трудового кодекса Российской Федерации⁸: неустранимые сомнения при квалификации отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, толкуются в пользу наличия трудовых отношений. Оно защищает сторону, которая фактически выполняла трудовую функцию, но не контролировала оформление отношений. Однако данное правило представляет собой прямо установленную материально-правовую презумпцию квалификации, а не общее процессуальное правило о первоначальной достаточности доказательств.

Следовательно, российская практика уже знает функциональный аналог *prima facie*. Его назначение состоит в предотвращении недоказуемости, возникающей из-за информационной асимметрии, необходимости устанавливать отрицательный факт либо недобросовестного сокрытия доказательств. В то же время конструкция не должна превращаться в универсальную ссылку, позволяющую заменить доказательства предположениями. Минимально достаточная совокупность определяется с учетом предмета спора, обычного распределения информации и способности каждой стороны раскрыть фактическую основу своей позиции.

Для континентальной правовой системы характерно нормативное закрепление презумпций и последствий их опровержения [13]. Однако из этого не следует, что судебная практика лишена возможности конкретизировать общие правила добросовестности, состязательности и распределения доказательственных рисков. Скорее, повторяющееся использование *prima facie* в судебной практике свидетельствует о необходимости доктринального описания условий механизма и его последующей нормативной либо разъяснительной формализации. Общая теория доказательственного права также допускает специальные правила распределения обязанностей, когда они обеспечивают равновесие процессуальных возможностей и соответствуют доступности доказательств [14, с. 147–154].

Возможность использования prima facie в административном судопроизводстве

В административном судопроизводстве предпосылки для использования *prima facie* выражены особенно отчетливо, поскольку публичный субъект принимает оспариваемое решение, формирует и хранит документы, на основании

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г. : п. 32 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 70.

⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3.

которых действовал. Тогда как у истца нет доступа к этим документам. КАС РФ уже учитывает эту асимметрию. Наряду с общими правилами о распределении бремени доказывания и прав суда по истребованию доказательств (статьи 62 и 63), КАС РФ закрепляет специальные правила для отдельных категорий дел. Так, при оспаривании решений, действий или бездействия органов и должностных лиц обязанность доказывать законность оспариваемых актов возлагается на принявшего (совершившего) его субъекта. Административный истец при этом подтверждает нарушение своих прав, соблюдение срока обращения и иные доступные ему обстоятельства (статьи 220 и 226). Однако суд не связан основаниями и доводами административного иска (часть 3 статьи 62 КАС РФ).

Специальное распределение обязанностей иногда обозначается в литературе как презумпция незаконности оспариваемой публичной деятельности. Однако такая позиция не выдерживает критики. Само предъявление административного иска не превращает акт или действие в незаконные и не освобождает заявителя от необходимости показать, каким образом затронуты его права. О.В. Баулин подчеркивает, что особое бремя публичного ответчика связано с его обязанностью раскрыть фактические и правовые основания властного решения, а не с заранее установленной неправомерностью [15].

Активная роль суда также препятствует механическому переносу модели общего права. Согласно части 8 статьи 226 КАС РФ суд выясняет юридически значимые обстоятельства в полном объеме; по части 12 той же статьи он может истребовать необходимые доказательства и применить меры процессуального принуждения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что при оспаривании публичных решений суд не связан содержащимися в заявлении основаниями и доводами, но при этом и обосновывать законность принятого публичным субъектом решения на основаниях (обстоятельствах), которые суд установил самостоятельно, не допускается — это является заменой изначального основания на другое⁹. Исследователи обоснованно связывают такую активность с необходимостью обеспечить справедливость при фактическом неравенстве гражданина и властного субъекта [16; 17].

⁹ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : п. 61 : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2016 г. № 36 // СПС «КонсультантПлюс».

Однако отсутствие отзыва, неявка ответчика или его представителя либо непредставление отдельного документа не могут автоматически влечь удовлетворение административного иска. Иначе проверка законности подменялась бы санкцией за процессуальную пассивность, а решение могло бы затронуть публичные интересы без установления необходимых обстоятельств.

При столь непросто распределении бремени доказывания и активной роли суда, на наш взгляд, *prima facie* в административном процессе может выполнять более узкую функцию: определять момент, с которого публичный ответчик обязан содержательно раскрыть основания своей деятельности, а его необъяснимое уклонение может быть оценено против него.

Предлагаемый механизм должен основываться не на абстрактном признании гражданина «слабой стороной», а на конкретной информационной асимметрии. Слабость стороны может быть экономической, профессиональной или организационной и сама по себе не доказывает отсутствие доступа к сведениям. Напротив, *prima facie* может использоваться и в споре с участием профессионального заявителя, если ключевые документы объективно находятся только у публичного органа. Критерием является возможность стороны получить и представить доказательство без несоразмерных затруднений, а также обязанность другого участника вести, хранить и раскрывать соответствующие материалы.

Первоначальное доказательственное предположение в административном деле может возникать при одновременном наличии следующих условий. Административный истец должен указать конкретное решение, действие или бездействие и представить доступные внешние признаки нарушения: документы, ответы органа, сведения из реестра, фото- и видеоматериалы, данные о фактическом состоянии объекта, подтверждение обращения и истечения установленного срока. Эти сведения должны быть относимыми, допустимыми и в совокупности позволять разумно предположить нарушение права. Основные материалы, необходимые для окончательной проверки, должны находиться в сфере контроля административного ответчика. Наконец, истец должен объяснить, почему он не может самостоятельно получить такие материалы.

Например, при оспаривании бездействия по содержанию автомобильной дороги гражданин способен представить сведения о местоположении дороги, фотографии ее состояния, обращения в администрацию и ответы на них. Он не

обязан располагать внутренним планом работ, сведениями о бюджетных лимитах, актами обследования, документами о распределении полномочий между подразделениями и пр. Представленная им совокупность может образовать *prima facie* предположение о неисполнении публичной обязанности. Администрация должна раскрыть, относится ли дорога к ее ведению, какие нормативные требования применимы, проводилось ли обследование и какие меры были приняты. Суд после этого проверяет правовое основание и оценивает все материалы, а не удовлетворяет иск исключительно из-за отсутствия ответа.

Сходная логика применима к делам о непредоставлении государственной услуги, невыплате установленной законом меры социальной поддержки, бездействии судебного пристава-исполнителя, отказе во внесении сведений в публичный реестр. Заявитель обычно может доказать факт обращения, содержание требования, истечение срока и наступившие для него последствия. Административный ответчик контролирует электронное дело, журналы операций, служебные резолюции, основания отказа и сведения о фактически совершенных действиях. Возложение на гражданина обязанности доказать отсутствие таких внутренних действий создавало бы ту же проблему отрицательного факта, которую Верховный Суд Российской Федерации разрешает посредством *prima facie* в банкротных спорах.

Таким образом, презумпция *prima facie* не должна сводиться к полному освобождению административного истца от обязанности предоставления минимального количества достоверных доказательств. Например, по одному из дел Урюпинского городского суда Волгоградской области административный истец просил признать незаконным бездействие судебного пристава-исполнителя, выразившееся в ненаправлении ему корреспонденции в рамках исполнительного производства. В ходе рассмотрения административного иска суд неоднократно указывал на необходимость уточнения административным истцом своих требований о том, какие конкретно решения и постановления ему не направлялись. Однако каких-либо действий административным истцом по уточнению указанной информации предпринято не было, и суд отказал в удовлетворении требований. Примечателен тот факт, что ранее по данному спору решение было обжаловано в апелляционной инстанции и возвращено на повторное рассмотрение в суд первой инстанции именно из-за необходимости разъяснения административному истцу положений статьи 46 КАС

РФ и уточнения предмета административного искового заявления, чего в дальнейшем со стороны заявителя сделано не было¹⁰.

Особого внимания требует пункт 7 части 2 статьи 220 КАС РФ, предписывающий указывать в административном исковом заявлении нормативные правовые акты и их положения, на соответствие которым надлежит проверить оспариваемое решение, действие или бездействие. Данное требование не должно толковаться как перенос на гражданина профессиональной обязанности дать исчерпывающую юридическую квалификацию. Если фактическое содержание жалобы позволяет определить предмет проверки и предполагаемое нарушение, неточность ссылки на норму должна устраняться судом при подготовке дела и применении надлежащего права. *Prima facie* здесь относится не к доказанности содержания права, которое суд знает и применяет самостоятельно, а к фактической основе требования.

В этой связи представляется, что использование конструкции *prima facie* в административном судопроизводстве будет полезно для упорядочения судебной практики. Однако для этого требуется ее закрепление на нормативном уровне или на уровне разъяснений судебной практики.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что *prima facie* в российском праве можно охарактеризовать как опровержимую процессуальную презумпцию — первоначально достаточная совокупность фактов, подтвержденных достоверными доказательствами, которая создает разумное предположение и переносит на процессуального оппонента обязанность представить доступные ему контрдоказательства. Окончательное бремя убеждения и правила оценки всей совокупности доказательств при этом сохраняются.

Российский цивилистический процесс уже использует данный механизм для предотвращения недоказуемости отрицательных фактов и сокрытия информации лицом, которое ею располагает, но он нуждается в доктринальной систематизации и в более определенной процессуальной форме. Для административного же судопроизводства использование *prima facie* — вопрос будущего.

В этой связи можно предложить использовать в административном судопроизводстве *prima*

¹⁰ Решение Урюпинского городского суда Волгоградской области от 24 июня 2025 г. по делу № 2а-406/2025. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.07.2026).

фасіе при рассмотрении дел об оспаривании решений, действий, бездействия органов и должностных лиц как дополнение к специальному распределению обязанностей по доказыванию, но не как основание автоматического удовлетворения иска. Первоначальные факты, представленные гражданином, должны запускать обязанность публичного ответчика раскрыть контролируемые им материалы; необоснованное нераскрытие может повлечь неблагоприятную оценку. Одновременно суд сохраняет активную роль и самостоятельно проверяет законность оспариваемой публичной деятельности. Именно такое сочетание способно повысить реальную состязательность, не разрушая публично-правовую природу административного судопроизводства.

Для обеспечения единообразия практики указанный подход целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации. Формулировка может быть следующей: «Если административный истец представил относимые и допустимые доказательства, которые с учетом объективно ограниченного доступа к сведениям позволяют обоснованно предположить нарушение его прав и (или) несоблюдение требований к оспариваемым решению, действию (бездействию), административный ответчик обязан представить находящиеся в его распоряжении доказательства, опровергающие такое предположение. Непредставление этих доказательств без уважительных причин учитывается судом при оценке доказательств и не освобождает суд от обязанности проверить законность оспариваемых решения, действия (бездействия)». Предлагаемое правило описывает порог, после которого отсутствие контролируемых ответчиком материалов должно иметь неблагоприятное доказательственное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевченко А.А. В поисках нормативности: обязательства *prima facie* / А.А. Шевченко. — EDN NWZHKR // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. — 2011. — Т. 9, № 2. — С. 77–81.
2. Herlitz G.N. The Meaning of the Term “Prima Facie” / G.N. Herlitz // Louisiana Law Review. — 1994. — Vol. 55, iss. 2. — P. 391–408.
3. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. — Москва : Статут, 2003. — Т. 3. — 779 с.
4. Козлов М.А. *Prima facie*: стандарт доказывания или презумпция / М.А. Козлов. — DOI 10.34076/20713797_2023_2_71. — EDN NJBACY // Российский юридический журнал. — 2023. — № 2 (149). — С. 71–82.
5. Карапетов А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 5 (63): прил. к ежемесяч. журн. — С. 3–96.
6. Нахова Е.А. Становление понятия стандарта доказывания в российской правовой доктрине и соотношение с иными категориями доказательственного права / Е.А. Нахова, Д.В. Царькова. — DOI 10.35231/18136230_2024_2_163. — EDN BLKQIW // Ленинградский юридический журнал. — 2024. — № 2 (76). — С. 163–178.
7. Руденко А.В. Применение стандартов доказывания в практике судов общей юрисдикции / А.В. Руденко, М.В. Сенчикова. — DOI 10.24158/пер.2021.5.10. — EDN WBTWML // Общество: политика, экономика, право. — 2021. — № 5. — С. 58–62.
8. Гилев К.Е. Подходы к доказыванию отрицательных фактов / К.Е. Гилев. — EDN SJTLCO // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 15. — С. 689–702.
9. Викулина М.А. Дискурсивный механизм формирования лингвоправового стереотипа (на материале решений Верховного суда США) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / М.А. Викулина. — Москва, 2021. — 26 с. — EDN UHIZSX.
10. Суслов Р.Э. Сходства и различия в регулировании коносаментов по российскому и английскому праву / Р.Э. Суслов. — EDN VEBFCB // Хозяйство и право. — 2015. — № 12. — С. 108–120.
11. Смольников Д.И. Переход бремени доказывания в гражданском судопроизводстве: игра в пинг-понг или стрельба из лука? / Д.И. Суслов. — EDN YWVSKD // Закон. — 2019. — № 1. — С. 138–148.
12. Афанасьев С.Ф. О доказывании отрицательных фактов и возможности применения фикции признания при их обосновании по гражданским делам / С.Ф. Афанасьев, С.Ю. Катукова. — EDN NTXWVL // Российская юстиция. — 2011. — № 3. — С. 69–72.
13. Угренинова Е.А. Презумпции в европейском континентальном и англосаксонском праве: сравнительно-правовой анализ / Е.А. Угренинова. — EDN NTYVFH // Философия права. — 2011. — № 3 (46). — С. 102–106.
14. Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство / под ред. М.А. Фокиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2019. — 656 с. — EDN IXFRYI.
15. Баулин О.В. Распределение обязанностей по доказыванию при разбирательстве дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений / О.В. Баулин. — EDN PAIHZT // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2012. — № 1 (12). — С. 89–96.

16. Григорьева Т.А. К вопросу об особенностях доказывания в современном административном судопроизводстве / Т.А. Григорьева, Е.В. Ткаченко. — EDN ZSUFID // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 5 (118). — С. 161–166.

17. Балашов А.Н. Активная роль суда как гарантия соблюдения принципа справедливости в административном судопроизводстве / А.Н. Балашов. — EDN ZUKWGL // Актуальные проблемы государства и права. — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 86–97.

REFERENCES

1. Shevchenko A.A. In Search of Normativity: Prima Facie Duties. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 77–81. (In Russian). EDN: NWZHKR.
2. Herlitz G.N. The Meaning of the Term “Prima Facie”. *Louisiana Law Review*, 1994, vol. 55, iss. 2, pp. 391–408.
3. Kofanov L.L. (ed.). *Digesta Ivstiniani*. Moscow, Statut Publ., 2003. Vol. 3. 779 p.
4. Kozlov M.A. Prima Facie: a Standard of Proof and a Presumption. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 71–82. (In Russian). EDN: NJBACY. DOI: 10.34076/20713797_2023_2_71.
5. Karapetov A.G., Kosarev A.S. Standards of Proof: Analytical and Empirical Research. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of Economic Justice*, 2019, no. 5, appl., pp. 3–96. (In Russian).
6. Nakhova E.A., Tsarkova D.V. The Formation of the Concept of the Standard of Proof in the Russian Legal Doctrine and its Relation to Other Categories of Evidentiary Law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2024, no. 2, pp. 163–178. (In Russian). EDN: BLKQIW. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_163.
7. Rudenko A.V., Senchikova M.V. Application of Standards of Proof in Courts of General Jurisdiction. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2021, no. 5, pp. 58–62. (In Russian). EDN: WBTWML. DOI: 10.24158/pep.2021.5.10.
8. Gilev K.E. Approaches to Proving Negative Facts. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, 2021, no. 15, pp. 689–702. (In Russian). EDN: SJTLCO.
9. Vikulina M.A. *Discursive mechanism for forming a linguistic-legal stereotype (based on the decisions of the US Supreme Court)*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2021. 26 p. EDN: UHIZSX.
10. Suslov R.Eh. Similarities and differences in the regulation of bills of lading under Russian and English law. *Khozyaistvo i pravo = Business and Law*, 2015, no. 12, pp. 108–120. (In Russian). EDN: VEBFCB.
11. Smolnikov D.I. Shifting Burden of Proof in Civil Litigation: Playing Ping Pong or Archery? *Zakon = Law*, 2019, no. 1, pp. 138–148. (In Russian). EDN: YWVSKD.
12. Afanasev S.F., Katukova S.Yu. On Proving Negative Facts and the Possibility of Applying the Fiction of Recognition in Their Substantiation in Civil Cases. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2011, no. 3, pp. 69–72. (In Russian). EDN: NTXWVL.
13. Ugreninova E.A. The Presumption in the European Continental and Anglo-Saxon Law: a Comparative Legal Analysis. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2011, no. 3, pp. 102–106. (In Russian). EDN: NTYVFH.
14. Fokina M.A. (ed.). *Course of Evidentiary Law. Civil Procedure. The Arbitration Process. Administrative Proceedings*. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2019. 656 p. EDN: IXFRYI.
15. Baulin O.V. The Burden of Proof in the Cases Arising from Administrative and Other Public Legal Relationships. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2012, no. 1, pp. 89–96. (In Russian). EDN: PAIHZT.
16. Grigorieva T.A., Tkachenko E.V. Question of Proving Special Aspects in Modern Administrative Proceeding. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2017, no. 5, pp. 161–166. (In Russian). EDN: ZSUFID.
17. Balashov A.N. The Active Role of the Court as a Guarantee of Principle of Justice in Administrative Proceeding. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 86–97. (In Russian). EDN: ZUKWGL.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирилл Владимирович Минаков — аспирант. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. SPIN-код: 8992-8352.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill V. Minakov — postgraduate student. Baikal State University. 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russia. SPIN-code: 8992-8352.

Поступила в редакцию / Received 06.05.2026

Доработана после рецензирования / Revised 20.08.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026